

Александр ПРОХАНОВ

Окончание. Начало — на стр. 1

В ДИСПЕТЧЕРСКОМ ПУНКТЕ терминала директор Дмитрий Григорьевич Друян, стоя перед мониторами, рассказывал мне о хрупкой кибернетике порта, о сухогрузах, которые отчаливают от пристаней Японии, Вьетнама, о других сухогрузах из Китая и Индии, которые приближаются к порту Находка. О третьих сухогрузах — из Филиппин и Южной Кореи, которые стоят у пирса под погрузкой. И краны своими ковшами черпают из угольных гор драгоценный уголь, переносят его по воздуху к кораблям, погружают их в трубы. И этот кузбасский уголь, который даёт жизнь шахтёрскому Кузбассу, отправляется в страны Океании, где сгорает в топках электростанций, засыпается в плавильные печи. На этот русский уголь выстраиваются долгие очереди. При погрузке на город летит угольная пыль, и, сражаясь с этой угольной пылью, корабли у пирса занавешиваются гигантскими холстинами, а специальные поливочные машины ходят вдоль бортов и опрыскивают водяной пудрой корабельные борта и портовые сооружения.

Отсюда от Владивостока, от порта Находки, от прибрежного города Большой Камень, начинается Северный морской путь. Бескрайняя дорога по Охотскому морю на север, до Чукотки, до Берингова пролива, сквозь который, ведомые ледоколами, проходят караваны судов в Ледовитый океан и движутся вдоль северной кромки России, продираясь сквозь полярные льды до Ямала с его газовыми и нефтяными полями, и дальше — к Кольскому полуострову, в Норвегию, до Северной Европы, до самой Испании. Великолепен судостроительный завод в Большом Камне "Звезда". Не та "Звезда", что тут же, в Большом Камне, осуществляет военные заказы. А сверхновая "Звезда" — молодая дальневосточная верфь, где закладываются первые русские супертанкеры, непомерных размеров газозовы, что станут перевозить ямальский газ в страны Европы и Азии.

Здесь строятся маломерные суда, призванные обслуживать газовые и нефтяные платформы шельфа, ещё не существующие, но уже заложенные на других российских верфях. Завод строит танкеры и сам продолжает строиться. От его стальных конструкций, просторных цехов, молодых чудесных лиц рабочих веет светом и силой. Люди режут металл, гнут гигантские стальные листы, сваривают их в непомерных размеров блоки. Связят эти блоки в сборочные цеха, где их соединяют, насыщают трубопроводами, электрическими кабелями, приборами, создавая могучее тело танкера, системами космической навигации с чуткими локаторами, позволяющими танкеру среди полярных штормов и качек причаливать к бетонному пирсу так, чтобы газопровод, соединяющий огромный береговой завод с газохранилищем танкера, не почувствовал удара океанской стихии.

Директор завода Сергей Иванович Целуйко — петербуржец. Но за три года, что строит завод, стал дальневосточником. Этот завод — изделие XXI века. Труд, которым заняты здесь люди, одухотворён возвышенной целью. Дальневосточная мечта о силе, просторе, красоте делает этих людей первопроход-

Сейчас экипаж "Варяга", отдыхая от недавнего похода, уже готовится к следующему, когда уйдёт в Средиземное море, в зону боевых действий, подтверждая присутствие России в солнечном сплетении мира — на Ближнем Востоке.

Дальневосточник — человек вольный, непримчивый и бесстрашный, он не боится бурь, он не боится необъятных просторов, не боится неведомого. Это неведомое и делает его дальневосточником. Перестройка и 90-е годы подавили дальневосточника. Они оборвали у него крылья, они остановили полёт русской мечты здесь, у Тихого океана. Люди потеряли работу, потеряли боевые корабли, потеряли торговый и рыболовный флот. Стали пустеть посёлки и города, уезжали рабочие и учёные, жизнь становилась бедной, невыносимой и бессмысленной. Московские перестроечники собирались закрыть Дальневосточное отделение Российской академии наук. Новые военные стратеги говорили, что России не нужен Тихоокеанский флот. Образ дальневосточника стал туманиться, двоиться, стираться. Сегодня дальневосточник собирает не просто флот, строит не просто заводы и

Золотой мост во Владивостоке

Находке, когда организовал протест горожан, страдающих от угольной пыли. Он ходил по домам и дворам, уговаривал людей выйти на митинг, писал воззвания, петиции и жалобы, пока не добился своего: хозяева угольных терминалов приняли, наконец, меры, защищающие город от угольной пыли. Он — неуёмный, терпеливый, страстный. Он говорит, что его задача — разбудить людей от печального сна, от уныния, заставить их биться за свои права. Он разбудил людей, но прежде разбудил себя. В его жизни был случай, который заставил его очнуться и вернул ему дальневосточную пассивность.

Дальний Восток славен своей удивительной и неповторимой природой. Своей усуррийской тайгой с дубами и кедрами, с таинственным корнем женшенья. В 90-е годы, когда люди стремились выжить, они в нарушение всех законов и правил губили природу: вырубали под корень реликтовые кедры, охотясь без лицензий, убивали оленей, стреляли в леопардов и тигров. Дело дошло до того, что усуррийский леопард, эта драгоценная популяция хищной пятнистой кошки, практически исчезла. От неё осталось только 30 животных. И среди них — одна-единственная самка, способная рожать потомство. Нашлись энтузиасты, которые поставили целью спасти драгоценную породу. Появился национальный парк, который именуется "Земля леопарда". Его директор Виктор Владимирович Бардюк рассказывал мне, как зоологи, звероводы, ботаники спасают леопарда от гибели. Их усилиями уже вдвое увеличена популяция. Они борются с пожарами, которые каждое лето надвигаются на национальный парк, отстаивают его, едва не погибая в огне. Они борются с браконьерами, которых уже отвадили от драгоценных песов, ведут наблюдение за каждой особью, расставляя для этого по лесным урочищам фотоловушки. Леопард, крадучись, проходит мимо камеры, срабатывает фотоприцел... И

зоологам достаются драгоценные снимки леопарда. Каждый новый родившийся леопард берётся на учёт. Каждому леопарду присваивается свой порядковый номер, за каждым животным закрепляется человек, добротух, благотворитель, который даёт леопарду имя и является для леопарда своеобразным крёстным отцом. В "Земле леопардов" помимо грациозных пятнистых кошек обитают прекрасные дальневосточные люди, испытывающие благоговение ко всему живому: к леопарду, к цветку, к звезде небесной.

Губернатор Приморья Олег Николаевич Кожемяко, занятый строительством дорог, университетов, школ, портов, строительством новых посёлков и возрождением старых, среди этой авангардной дальневосточной работы полагает, что вернуть Дальнему Востоку население, изрядно поредевшее за годы уныния и печали, можно не только строительством комфортного жилья, удобной инфраструктуры, вложением денег в экономику, образование, медицину. Вся эта математика цифр, исчисления, денежных потоков, численность квартир и больших чисел ничего не значит без видения, неисчислимого таинственного фактора, который делает человека мечтателем, творцом, пытливым исследователем мироздания.

Русская мечта, вернувшись сегодня на Дальний Восток, одухотворяет все земные дела и уложения, придаёт человеческой жизни высший смысл. Россия дальневосточная делает русскую жизнь необычайной, возвышенной и духовной, устремляющейся в бескрайнюю синеву океана и ищет в этой синеве несказанное царство, всё то же, заповедное, в древних сказках, в старообрядческих псалмах, в фантазиях странников, в чаяниях революционеров. Эта мечта — о великом государстве, жизнь в котором свободна от тьмы, от корысти и ненависти, полна красоты и любви.

Александр ПРОХАНОВ. Василий Олегович, существующие такие понятия, как "дальневосточное самосознание", "дальневосточный тип человека", "дальневосточная мечта" — нечто такое, что возло здесь дальневосточную цивилизацию. А можно ли говорить о дальневосточной русской цивилизации?

Василий АВЧЕНКО. Безусловно, можно, Александр Андреевич. Другое дело, что я не стал бы слишком обособлять это понятие, противопоставлять его более широкому — "русской мечте", "русской идее". Да, есть сибиряки, есть дальневосточники, есть русский Север. Но отличия в характере, привычках или социальном поведении русского человека на разных берегах нашего континента, мне кажется, минимальны. Если мы возьмём Китай (или даже Германию, Италию — страны, которые нам кажутся небольшими), то окажется, что люди, живущие в различных точках этих стран, отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем москвич отличается, предположим, от сахалинца. Говорю это как житель Владивостока.

Александр ПРОХАНОВ. А помор от кубанского казака?

Василий АВЧЕНКО. Если рязанцев переселить в Приморье, а приморцев — под Рязань, ничего принципиального образом не изменится. Рязанцы быстро станут "моряками", только и всего.

Александр ПРОХАНОВ. Ты так считаешь.

Василий АВЧЕНКО. Может быть, я несколько утрирую, определённые различия, конечно, присутствуют. Но говоря уже о наших национальных республиках. Но в целом и в главном — это всё равно один тип характера, один и тот же человек, который за полтора столетия дошёл от Урала и даже не до Тихого океана, а до Аляски и Калифорнии. Утвердился в дальневосточной тайге, на тихоокеанских берегах, среди лиан и тигров, но остался собой. Принёс сюда, на Восток, свою веру, свои вкусы, свой язык. Русский язык удивителен: на всей гигантской территории нашей страны он практически один и тот же. Ну, есть где-то оканье, где-то аканье, где-то побыстрее речь, где-то помедленнее, где-то свои словечки, как у нас "сопки" вместо холмов, но это один язык. В том же Китае жители разных провинций зачастую не могут на слух воспринять речь друг друга. Не то у нас: мы говорим на одном языке во всех смыслах этого слова. И это кажется мне даже более важным и более удивительным, чем те различия, которые есть между казаками, поморами, сибиряками и так далее. Страна удивительным образом спаяна.

Александр ПРОХАНОВ. Мне кажется, что ландшафт гигантского континента не может не сказываться на тех популяциях, которые этот ландшафт населяют. Если верить в великую гумилёвскую теорию, когда народ или популяция зажатые между ландшафтом и космическими излучениями, то сам по себе народ является удивительным синтезом этого ландшафта и космоса. Звезды везде разные, ландшафт разный. Почему же тогда популяция одна и та же?

Василий АВЧЕНКО. Монтегкё задолго до Гумилёва разработал теорию географического детерминизма. Влияние ландшафта нельзя отрицать. Если говорить о Дальнем Востоке, тут самую важную роль играют такие факторы, во-первых, как борьба с природой, сложность, связанные с освоением этой земли, во-вторых, сама необъятность пространства, когда мало дорог и гигантское расстояние между человеческими поселениями; в-третьих, это соседство не с Европой, а с Азией. Удалённость от столиц. Пограничное состояние — в нескольких смыслах слова. С одной стороны, рядом находится Китай — великая и отличная от нас культура. С другой стороны, мы находимся на стыке стихий — суши и моря. Это состояние, конечно, отражается в литературе и песнях.

Александр ПРОХАНОВ. Но мне кажется, различия здесь важнее, чем общность. Потому что общность, она ведь соединяет дерево и человека. Соединяет и жука с Монтегкё. Но интересно как раз понять эти тонкие переливы, эту музыку существования народа.

А что здесь, на острове Русском, затевалось? Почему для России это место стало уже почти нарицательным?

Василий АВЧЕНКО. Во-первых, само имя. С детства помню загадку: какой остров — дважды русский? Русский с дореволюционных времён был военным. Здесь есть бухта Новик, закрытая от ветров, от штормов, очень удобная для стоянки кораблей. В советское время здесь тоже были военно-морские силы в огромном количестве. В 1980-х город был наполовину военный, наполовину рыбацкий. Одних только флотских "учебок" на Русском была целая роща, в том числе на берегу бухты Аякс, где теперь построен университет. Полгода новобранцев учили военным наукам, а потом посылали на корабль или какой-нибудь атомный подводный ракетнонос.

Владивосток до 1992 года был закрытым городом: чтобы сюда приехать, нужно было оформить пропуск. Остров Русский был закрытым вдвойне. Мой отец, например, чтобы отправиться на Русский ловить корюшку, оформлял отдельный пропуск. Сейчас остров, что называется, ушёл на "дембель", здесь почти не осталось военных. Осталась легендарная полусекретная часть — морской спецназ, который называют "Холуай", "холуаевцы" (от старинного местного названия бухты). Остров решили сделать частью Владивостока, превратить в полноценный городской район. Раньше связь с островом была только по морю — парами. В 2012 году к саммиту АТЭС построили мост на остров Русский, и он начал осваиваться. Но это освоение находится в самом начале. Здесь построен огромный кампус Дальневосточного федерального университета, построен самый большой в стране океанариум, медицинский центр. Но в остальном остров остаётся полуостровом. Пятнадцать километров новой асфальтовой дороги — и всё, остальные дороги — старые военные грунтовки. А ведь остров по территории сопоставим с материковым Владивостком, его площадь — около ста квадратных километров.

РУССКИЙ — ЗНАЧИТ ВСЕСИЛЬНЫЙ

Беседуют главный редактор газеты «ЗАВТРА» Александр ПРОХАНОВ и писатель Василий АВЧЕНКО

Александр ПРОХАНОВ. Значит, планируется на острове создать какую-то особую среду, в которой будет формироваться новый дальневосточный интеллект?

Василий АВЧЕНКО. Идея заключается именно в этом — создать здесь научно-образовательный кластер. Но мы знаем, что планы — это одно, а как они реализуются — другое. Не всё идёт гладко, не всё идет так быстро, как бы хотелось. Но кое-что делается.

Александр ПРОХАНОВ. А задача перед этими молодыми людьми или молодыми преподавателями поставлена? Или она будет формироваться по мере наполнения учебных корпусов людьми? Есть ли, скажем, задача сформулировать отношение русского сознания или русской цивилизации к китайской цивилизацией, с японской, с корейской, с американской? Есть ли задача понять эти великие стьки, на которые Россия вышла, придя на берег Тихого океана?

Василий АВЧЕНКО. Вы очень точно сформулировали, Александр Андреевич. Насколько понимаю, такая задача поставлена, но пока это больше декларация. Понятно, что это долгая дорога. Но одна из задач Федерального университета, созданного на базе нескольких наших вузов, именно такая: чтобы больше студентов из того же Китая здесь училось. Раньше мы говорили, что Владивосток — это форпост Советского Союза или России на Тихом океане, а теперь чаще говорят, что это контактная зона, то есть задача уже не только или не столько охранять границу, сколько взаимодействовать. Окно в Европу прорубил Пётр, а здесь — окно в Азию. Познавать эти великие азиатские культуры, которые мы на самом деле знаем очень слабо... Европу или Америку мы знаем гораздо лучше, мы все выросли на европейской литературе, но не на американской или корейской... Говорят и о том, чтобы построить на Русском вторую очередь нашего Академгородка. Это есть речь идёт о некоем новом знании, новом качестве и производстве, если иметь в виду различные инновации, и образования. Считается, что мы сейчас живём в постиндустриальной экономике, когда не меньшую важность, чем промышленные предприятия, приобретает экономика знаний. У Владивостока, конечно, взаимодействие с Азией — одна из ключевых задач.

Александр ПРОХАНОВ. Да, тянутся газопроводы, строятся заводы по выработке газа, создаются перевалочные порты, возобновляется жизнь БАМа. Но это всё вторично. Ведь здесь Россия вышла на контакты с огромными загадочными явлениями, с огромными древними цивилизациями. Причём цивилизациями устоявшимися, сложившимися в кристаллы цивилизации. А Россия сюда пришла, гонимая ветром. Здесь русские люди намывались, как намывается песок, пока здесь не возникла этакая твердь. И русские — наивные, русские здесь во многом — в неведении, они мечтательные, они полагаются на русский авось. И с этими качествами Россия выходит на цивилизацию Японии — на самурайскую огромную, упрямую, непонятную для нас культуру. Или Китай. Или северо-корейское чужие, например, до которого сегодняшний российский ум так и не докопался. Это же огромная формула, которая произвела этой маленькой стране выстоять перед давлением огромных сил. Мы проиграли, а они выстояли. И мне кажется, что для сегодняшнего дальневосточного сознания важно найти эти духовные взаимодействия или не взаимодействия. Или объяснить причины конфликта. Потому что эти цивилизации, конечно, находятся в состоянии и партнёрства, и конфликтности, включая военные конфликты. И мне кажется, что эта территория, эти начинания для этого и созданы.

Василий АВЧЕНКО. Согласен с вами. Действительно, русский человек живёт на этом берегу не так давно. Если говорить о Приморье, то это всего лишь полтора столетия. Если говорить об освоении Якутии, Охотоморья, Камчатки, то несколько дольше: три с половиной столетия. Мы вышли к новым берегам, на которых много загадок. Конечно, здесь мало людей живёт, и это плохо. На максимум, в 1991 году, на всём Дальнем Востоке жило 8 миллионов человек. За последующие 20 лет это число уменьшилось на четверть — до 6 миллионов. То есть и количественно нас здесь не хватает, и в качестве, как несколько цинично говорят сегодня, "человеческого капитала" есть вопросы. Ставка на высшую школу — это попытка сделать дальневосточников более умными, сильными, готовыми идти вперед, понимающими, что такое Россия и что такое Азия. Если говорить о конфликте... Я не прекраснотдушный идеалист в этом смысле и не верю, что войны в мире когда-нибудь закончатся, к сожалению. Но если говорить о конфликтно-

сти, то, как ни парадоксально звучит, на Дальнем Востоке Россия в процессе освоения этих территорий соперничала чаще всего не с Востоком, а с Западом. Прежде всего — с Англией, своим извечным соперником. С Францией, с Америкой. Потом к ним добавилась Япония, с которой мы с перерывами воевали всю первую половину XX века. Английские моряки, собственно, первыми высадились в бухте Золотой Рог, где потом был основан Владивосток. Они назвали эту гавань — Порт Мэй. Всё это подталкивало наших дипломатов, военных, путешественников скорее застолбить эти фактически ничейные земли. Как ни странно, как раз экспансия Запада подтолкнула нас к освоению Востока. А Китай до XX века поэты называли то спящим, то недвижным. Только сейчас, после победы Мао и полувека политической более или менее независимого существования, когда его перестали разрывать на части западные державы, он стал гигантской силой.

Александр ПРОХАНОВ. Есть ли среди сегодняшних молодых дальневосточников, да и не только молодых, люди, которым дано объяснить эту землю, объяснить эти векторы, объяснить дальневосточное настоящее и будущее? Есть светочи — писатели, художники, профессора, этнографы, военные, дипломаты?

Василий АВЧЕНКО. К сожалению, таких людей у нас не хватает. Это грустно. Я всегда говорю о том, что этой территории не хватает летописцев, из-за чего целые геологические пласты сюжетов и судеб уходят в песок. Не хватает людей, которые бы всё это осмыслили. Конечно, у меня есть надежда, что их будет больше. Я связываю определённые надежды с некоторыми молодыми востоковедами. Художники у нас всегда были прекрасные. С писателями как-то хуже. Приезжают и уезжают. Как, например, Пришвин, который пожил тут несколько месяцев, а потом написал великолепный "Женшень". Приехал в Хабаровск Аркадий Гайдар,

начал "Военную тайну", уехал. Приехал Фраерман, написал про собаку Динго, уехал опять же... А вот чтобы здесь, в этом ландшафте, возник и вырос "гений места" — это происходит гораздо реже. Можно назвать офицера, путешественника, писателя Арсеньева, Фадеева, который здесь партизанил в юности, его творчество плотно связано с Приморьем. Это и "Разгром", и "Последний из Уздег", и письма к его первой любви, Асе Колесниковой, в Спасск-Дальний.

Александр ПРОХАНОВ. Этот процесс, по моему мнению, можно стимулировать, или нужно ждать, когда всё это само вырастет?

Василий АВЧЕНКО. И ждать, и стимулировать. Потому что под лежащий камень...

Александр ПРОХАНОВ. А как это стимулировать?

Василий АВЧЕНКО. Хорошо уже то, что в последние несколько лет Дальний Восток вошёл в поле внимания государства, Кремля. Потому что все 90-е годы, да и в первой половине нулевых, мы были заброшены, забыты и никому не нужны. Вся жизнь шла в той России, которую мы называем Центральной. Хотя, если смотреть на карту, то это скорее Западная Россия, а Центральная — где-то на Енисее... А сейчас, слава Богу, вспомнили. И саммит АТЭС, и эти стройки гигантские, и судоверфь, и космодром, и газопроводы. Я надеюсь, что эти процессы потянут за собой и другие, в том числе гуманитарные, культурные, научные. Рынок сам по себе здесь ничего не отругирует. На Дальнем Востоке — далеко, огромном, суровом, пустынном, неустроенном — роль государства всегда была очень велика. Но и роль подвижника, энтузиаста, человека идеи, будь то воевода, купец или миссионер — тоже.

Александр ПРОХАНОВ. Вышеянная, во многом удручная, Россия, которая выпала из гигантской красной империи и всё ещё никак не может очнуться, наполнена болями, хворями, комплексами всякими, она тем не менее осуществляет три гигантских геостратегических проекта: Арктику, Дальний Восток и Южный проект, который привёл нас в сердце Близнего Востока. Эти три проекта сами по себе огромны, они достойны русского сознания. Мы этими проектами как бы выполняем заветы давних и недавних наших предков. И поэтому такой проект, как Дальневосточный, — действительно мощный проект. Мне кажется, он должен зажечь сердце одного или двух мыслителей, этаких фантазёров, мечтателей, поэтов, философов. Этот проект не может не породить своего гения (или своих гениев). Остаётся только искать их, ждать или взрачивать.

Василий АВЧЕНКО. Очень надеюсь на это. Надо создавать условия, создавать среду, чтобы они могли появиться. Это огромная работа. Она начинается с малого: это и сельские библиотеки, и книжные магазины, которых у нас очень мало; школы, вузы и так далее.

Александр ПРОХАНОВ. Такая задача должна быть просто поставлена, а решать будет по-разному: и через библиотеки, и через Военно-морской флот, и через личность губернатора, и через волонтеров, через революционеров.

Василий АВЧЕНКО. Это задача не для одного губернатора, это задача на много лет вперёд. И я верю — результат будет. Дальний Восток — не балласт, а важная, перспективная часть России, её незаменимый орган. Ещё Ломоносов говорил: "Российское могущество прирастает будет Сибирю и Северным океаном". Под Сибирью тогда понималось всё, что лежит к востоку от Урала, включая нынешний Дальний Восток. Мы видим, что оживаетесь Севморпуть — слова Ломоносова сбываются. Дальний Восток — это огромный русский шанс.

Александр ПРОХАНОВ. Спасибо, Василий Олегович, за глубокий разговор.

Василий АВЧЕНКО. И вам спасибо, Александр Андреевич.